

УДК 316.334
ББК С56

Виктор Александрович Сидоров,
*доктор философских наук, профессор,
Высшая школа журналистики и массовых коммуникаций
Санкт-Петербургского государственного университета
(199004, Россия, Санкт-Петербург, Васильевский остров, 1-я линия, 26)
e-mail: vsidorov47@gmail.com*

Социальные институты как медийная проекция

Биполярностью обладают институты религии и информационных отношений в обществе. Их биполярность явственна в медиасфере, где формируются потоки интерпретации. В сетевом пространстве признаками подлинности стали обладать медийные проекции любых институтов общества, в том числе религии и церкви. Ставятся вопросы, как интерпретировать проецируемые в медиа факты социального противостояния по поводу расширения социального влияния церкви; опровергают или утверждают они теорию постсекулярного общества.

Статья опирается на результаты ценностного анализа медиадискурса по поводу акции PussyRiot (21.02.2012) – неконформистского панк-молебна группы девушек в московском храме Христа Спасителя. Ценности, обнаруженные в выступлениях СМИ по поводу этой акции, рассматривались в трёх измерениях – политическом, религиозном и культурологическом. При этом авторы исследования исходили из недопустимости игнорирования контекста публикаций – вопросов веры и церкви. Однако практика СМИ показала, что ответы на них в основном давались во внерелигиозной системе координат. В результате медийная проекция института церкви оказалась неадекватной реально функционирующему институту общества за счёт ценностного прочтения артефакта, возникшего в процессе медийного межличностного общения. Медийные проекции не подменяют реально работающие социальные институты, но потенциально влияют на действительные отношения людей, потому что сегодня проекции духовности человека, самоидентификации обществ носят медийный характер и размещены в медиасфере.

Среди факторов, которые могут стать решающими в определении облика грядущего дня, особое место занимают массмедиа, с помощью которых происходит ретрансляция социальных смыслов. В настоящее время институт массмедиа – органичная часть духовной сферы общества, его культуры, являясь активным субъектом социума, он структурирует культурное пространство в понятиях медийной реальности, с чем уже не могут не считаться прочие социальные институты.

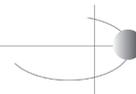
Ключевые слова: социальные институты, медиасфера, журналистика, медийные проекции, ценностный анализ.

Victor Aleksandrovich Sidorov,
*Doctor of Philosophy, Professor,
Higher School of Journalism and Mass Communications,
St. Petersburg State University.
(26, 1st line, Vasilyevsky Island, St. Petersburg, Russia, 199004)
e-mail: vsidorov47@gmail.com*

Social Institute as a Media Projection

Bipolarity is a feature of the social institutes of religion and the information relations. Their bipolarity is evident in the media sphere where interpretation streams are formed. In network space signs of authenticity are the characteristics of media projections of society institutes, including religion and church. The following questions are set: how to interpret the projected in media facts of social opposition concerning expansion of social influence of church: they either refute or approve the theory of post-secular society.

The paper is based on outcomes of media discourse value analysis concerning the event of Pussy Riot (21.02.2012) – a nonconformist punk public prayer of a girl group in Moscow Cathedral of Christ the Savior. The values, found within the coverage of mass media, were researched through three measurements – political, religious and cultural. Authors of the research proceeded from inadmissibility of ignoring of publication context –

religion and church questions. However, the practice of mass media showed that answers were generally out of the religious frames. As a result, the media projection of the church institute was inadequate to real functioning of this society institute. Media projections don't substitute really working social institutes, but potentially influence on the people's relations because today projections of person's spirituality, self-identifications of societies have media character, they are placed in the media sphere.

The factors which can become decisive in definition of the future shape include mass media which convey the social meanings.

Now the institute of mass media is an organic part of the spiritual sphere of society, its culture, it is the active subject of society, and it structures cultural space in the concepts of media reality which other social institutes don't take into account.

Keywords: social institutes, media sphere, journalism, media projections, value analysis.

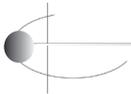
Часть социальных институтов обладает примечательной способностью «парности» или биполярности: политика и власть (отношения между социальными классами и государствами и политическое управление ими); религия и церковь (убеждения веры и религиозная организация); информационные отношения в обществе и массмедиа (обмен актуальными смыслами и сообщениями и организация их массового распространения). Нельзя говорить о религии, не затрагивая вопрос о церкви; немыслимо рассуждать об информационных отношениях в обществе в отрыве от массмедиа, и т. д.

Пара институтов как два полюса: нет корректного анализа одного без изучения другого. В особенности, если обратиться к практике институтов религии и информационных отношений в обществе. Именно в их жизнедеятельности присутствуют едва ли поддающиеся строгому учету творческие проявления человеческого духа – всё, что связано с убеждениями и верованиями индивида. Анализ функционирования этих институтов ко всему прочему немыслим без учёта их погружения в пространство культуры, что вносит дополнительные сложности в исследовательский процесс: это не только ещё один ингредиент моделирования связанной с такими институтами изучаемой проблемы, это важнейший фактор многомерности проблематики – один институт не только органично связан с другим, но и вложен в третий, может быть, и в четвёртый. В общем, исследовательская ситуация «матрёшки».

Однако биполярность в жизнедеятельности социальных институтов открывает перед исследователем простор для модельных сопоставлений, в результате которых на фоне ожидаемых совпадений обязательно находится критерий размежевания сущностей изучаемых институтов и других социальных структур. Как это было, скажем, при сопоставлении журналистики и СМИ. Напомним,

что ещё сравнительно недавно даже авторы наиболее известных работ в области медиа «по умолчанию» соглашались, и соглашались, если обратиться к недавнему переводу труда известного британского исследователя массовой коммуникации [1, с. 27–33], воспринимать их в качестве синонимов, хотя объективные различия очевидны и, прежде всего, по фактору *собственности*. СМИ имеют владельцев, среди которых государство, частный капитал, общественные организации и т. п. Журналистика же – и это принципиально! – владельца не имеет, поскольку выступает как исторически устоявшийся, многообразный способ публичного социального общения и самопознания общества. Журналистика – не собственность, а *общественное достояние*, поскольку принадлежит как индивиду, взявшемуся за перо, так и обществу в целом [2, с. 20–21]. Однако надо понимать, что любая интерпретация журналистики predetermined, прежде всего, национальными в своей основе социокультурными факторами. В отечественной трактовке мы исходим из идеи «Поэт в России больше, чем поэт». Метафорически сказанное позволяет увидеть в журналистике всем принадлежащее средство самопознания общества. Британский исследователь определяет иначе: «Журналистика – это та основная деятельность, которая формирует прессу» [1, с. 10]. В определении Д. Мак-Куэйла на первый план вышла *профессионализация журналистики*.

Даже простое сопоставление социальных ролей СМИ и журналистики позволило выделить неотъемлемую для средств массовой информации бизнес-функцию, которой в принципе не могло оказаться у института журналистики. За журналистикой наши представления о личности, её правах и демократии – нерасторжимо связанные между собой и проявленные в информационных отношениях социальных субъектов. Тогда как бизнес-функция СМИ автономна по отношению

к этим представлениям, она может быть реализована и в недемократическом обществе; стеснённая в свободах медиасфера влияет только на содержание и вид медийного продукта, позволяющего собственникам СМИ извлекать прибыль.

И ещё одно, важное в настоящем контексте замечание: биполярность институтов журналистики и СМИ наиболее явственна в медиасфере, в ней протекает бесконечная хроника исторической динамики. По всей видимости, это правило действительно для медиасферы и в других случаях институциональных сопоставлений.

В своем построении мы затрагиваем «культурное основание исторической динамики общества как результат *личных интерпретаций*, создающих в своих совокупностях определённые социокультурные общности, формирующие *потоки интерпретации*. Эти потоки интерпретаций по самой своей сути не статичны, но заключают в себе циклическую динамику, возможность выхода за свои пределы. Такая динамика может нести в себе потенциально опасные точки, угрожающие расколом, социокультурными катастрофами. Фокусы, несущие эти потенциальные угрозы, существуют в разной форме и степени в любой культуре» [3, с. 379]. Одна из форм – медийная.

На характер процесса интерпретаций решающее воздействие оказывает медийная реальность XXI века, возникающая в процессе коммуникации. Реальность социума разворачивается в социальном пространстве, а это некий упорядоченный континуум социальных классов и групп, институтов и организаций, в котором происходят проецируемые в медиасферу драмы экономического, политического и культурного взаимодействия людских общностей. При этом медийная картина взаимодействия выступает как некоторая реальность, изменчивая и динамичная, это медийное (письменное, аудиовизуальное, документальное, художественное, рациональное, иррациональное – разное) отражение происходящих в обществе больших и малых перемен, новых и старых идей. И тогда понятно, почему «входить в медиасферу значит разрушать, тревожить мысль... только при написании, то есть в ходе типизации мысли в слово, во внешнем образе, может произойти коммуникация» [4, с. 61], которая сопровождает все преобразования глобального культурного пространства. С глобализацией борьба за интерпретацию ценностей вошла в новую, более ожесточённую, чем прежде, фазу непосредственно на

личностном уровне. Таково следствие неискоренимой потребности человека изменчивого мира остаться адекватным самому себе. Вот одно из объяснений активизации социальной функции церкви и ренессанса религиозного сознания в совокупности с верой в существование Бога. Веру от религии отделяет академик Виталий Гинзбург [5, с. 7].

Попробуем высказать догадку, почему в наши дни столь привлекательным и широко захватывающим для человечества оказалось сетевое пространство, о котором ещё некоторое время назад ничего не было слышно, почему стали обладать признаками подлинности медийные проекции любых институтов общества. Обратимся в качестве примера к отражению в Интернете институтов религии и церкви. В их функционировании изначально закладывалось обращение человека к идеальным образам, перенесению в горние сферы происходящего на земле. Подобная обращённость к миру идеального инициировалась всем строем культуры общества и сознания индивида. Формировался в сущности парадоксальный канал коммуникации – между бытием и небытием, между действительным и воображаемым. И этот канал успешно проецировал представления человека в только ему видимое информационное пространство.

В сущности, и сетевое пространство, как некогда церковь, поддерживается теми же культурными механизмами и личностными мотивациями. Отличия, конечно, есть. В минувшие века человек автономно, на основе личных религиозных переживаний и собственных представлений о церкви формировал для себя идеальное пространство высших сфер; сегодня в сотворении идеального мира человек, как ему думается, уже не одинок. Его усилия умножились за счет включения в сетевое пространство тысяч и миллионов субъектов информационных отношений – они вместе, но каждый на свой лад конструируют объекты поклонения и осуждения. И потому кажется, будто сформированное в электронном мире отображение реальности превратилось в подлинность, с которой возможно вступать в личные и групповые отношения, которые фактом кажущейся подлинности воздействуют на индивида, отчего медийные проекции социальных институтов не менее подлинны, чем их реальные прототипы. Таковы сегодня факты Интернета, которые на самом деле начинают обладать свойствами реального объекта, – электронные банки и электронные правительства. Так что ценностные противоречия в российской медиасфере тем более

следует воспринимать как элемент подлинности, нуждающийся в серьёзном научном анализе.

Итак, зададимся вопросом, как в обозначенной парадигме представлений интерпретировать проецируемые в медиа факты социального противостояния по поводу расширения социального влияния церкви, превращения религии и веры в Бога в общественно значимый фактор. Можно ли всё это расценить в качестве проявлений жизнедеятельности *постсекулярного общества* [6, с. 129], тем самым отмечая общественный прогресс, или же понимать как отражение регресса социума – в досекулярные времена? Прежде чем дать ответ, отметим, что следует решительно воспротивиться излишне резкому противопоставлению гипотезы о постсекулярном мире и секулярной идеи. В секулярной идее, если не трактовать её односторонне, были свои замечательные черты. Их тонко подметил в своем дневнике философ Георгий Гачев: «Большая секулярная идея не вторгалась в прерогативы идей национальных и религиозных, но приглушала их односторонности, давала поверх них новую идеологию и смыслы бытия – в гражданском обществе, в культуре» [7, с. 6]. Таким образом, ответ в плоскости дихотомии «прогресс – регресс», избыточное противопоставление постсекуляризации и секулярности представляются неуместными. Оценке подлежат процессы, не раз проанализированные в науке. Правда, это не значит, что тем самым игнорируется всё ещё дискуссионное представление о постсекулярном обществе.

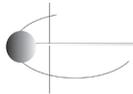
В современной России ренессанс церкви не тождествен возрождению того уровня религиозного сознания масс, который наблюдался 100 лет назад, то есть до революции – сказалась последовавшая за ней радикальная секуляризация всех пластов общественной жизни. В этом плане неслучайно утверждение специалиста, что постсекулярное общество – общество, где «возрождается религия» – это, конечно, общество расколотое. И расколото оно не только на верующих и неверующих, но и на приверженцев разных религий и верований, на приверженцев религиозных традиций и религиозных инноваций <...>, стандарт «свободы совести и вероисповедания» в нём уже не может надёжно работать. Вступая в общественное – то есть *общее* – пространство, разные религиозные универсумы смыслов и практик неизбежно сталкиваются друг с другом. По-новому встает вопрос о том, как обеспечить сосуществование в одном месте и времени людей и целых сообществ

с разными, до противоположности, верами и убеждениями, с разным пониманием мира и разными жизненными укладами <...>, это общество живое, изменчивое и принципиально проблемное. Оно ставит Церковь в ситуацию многообещающего, но непростого диалога, затрагивающего множество разных общественно значимых проблем. Для Церкви это – позитивная ситуация. Но одновременно это ситуация, которая является новейшим вызовом для Церкви [8].

С утверждением А. И. Кырлежева согласуются и некоторые результаты ценностного анализа годового цикла медиадискурса по поводу получившей общественный резонанс акции PussyRiot (21.02.2012) – эпатирующего и нарушающего каноны поведения в пределах РПЦ неконформистского панк-молебна группы девушек в московском храме Христа Спасителя¹. Постановка проблемы ценностного освоения действительности – наряду ли, в совокупности или в некотором соотношении с рациональным – предполагает рассмотрение ценностного отношения к миру. Обычно под этим понимается отношение на основе некоторых ценностей, связь между предметом и субъектом деятельности с точки зрения значения предмета; это может быть также отношение внутри ценностной сферы, отношение к самому миру ценностей и, наконец, оценочное отношение. <...> Для ценностного отношения к миру особое значение приобретают «диалогические», «понимающие», образно-метафорические способы и формы его освоения [9, с. 56].

В программе анализа значился перечень важнейших ценностей, обнаруженных в выступлениях СМИ по поводу акции PussyRiot. Ценности рассматривались в трех измерениях – политическом, религиозном и культурологическом. При этом учитывалось, что «в основе ценностей – общение» [10, с. 26] и что ценности не являются природным свойством объекта: их нет и не может быть в объекте, оттого что человек, вступающий во взаимодействие с себе подобными, своим сознанием наделяет любой объект ценностной значимостью. «Ценность есть элемент смысловой структуры любого артефакта, но не элемент его материальной структуры. Материальной ценности не существует, но материальные объекты могут иметь ценность. <...> Ценность существует в культуре, но не в природе» [11, с. 81, 88]. Ценностные качества объектов в нашей информационно насыщенной

¹ В исследовании приняли участие: В. А. Сидоров (рук.), Н. Л. Иванов, О. В. Корженева, К. Р. Нигматуллина.

эпохе не остаются закованными внутри личности, они в виде ценностных суждений переносятся / проецируются в медиасферу.

Подробности такого проецирования, которые опрокинули традиционные ожидания, содержатся в результатах исследования медиадискурса по поводу акции PussyRiot. Лидирующей ожидалась поляризация мнений о поступке PussyRiot по религиозным мотивам или по отношению к РПЦ. Однако итог анализа, проведённого в сетевом сегменте медиасферы Ольгой Корженевой, свидетельствовал об ином. Для исследования ею были выбраны сетевые издания консервативно-православной и либеральной ориентаций (pravmir.ru, narodsobor.ru и colta.ru, openspace.ru соответственно), для которых в целом религиозная часть ценностных суждений о поступке PussyRiot оказалась *минимальной* – **16,5 %**, тогда как на его политическую интерпретацию пришлось **57,1 %**, а на ценностные суждения, опирающиеся на культурологическое толкование события, – **73,6 %**. Общая тенденция прослеживается и по фракциям. Вот данные анализа консервативно-православных сайтов (порядок значений сохраняется): **25,8 %**; **40,8 %**; **33,4 %**. Либеральные сайты принесли следующие результаты: **5,0 %**; **77,3 %**; **17,7 %**. Исследование также показало, что сегодня в медиасфере совершенно явственно некогда единый религиозный дискурс разделился на дискурсы о религии и вере. Автор этого раздела коллективной монографии обратила внимание на заметную динамику в сетевом сегменте медиасферы феномена неоязычества. Примечательно, что неоязычество в виде медийной проекции более значительно, чем в виде реального социального образования/института. Неоязычество в этом прочтении, конечно, скорее обозначает не столько вопрос религии, сколько вопрос веры. Так что предложенное разделение академика Гинзбурга находит свое подтверждение в современной медиасфере [См.: 12, с. 83–114].

Подчеркнем, что авторы проведённого исследования исходили из недопустимости какого бы то ни было игнорирования контекста публикаций – вопросов веры и церкви. Однако практика СМИ показала, что ответы на них главным образом давались во внерелигиозной системе координат, и получилось, что медийная проекция социального института церкви оказалась неадекватной реально функционирующему институту общества за счёт какого-то иного ценностного прочтения артефакта, возникшего в процессе медийного межличностного общения, – сказывается тра-

диционное в российской журналистике желание автора выступления выразить, прежде всего, свою нравственную и политическую позицию. В этом усматривается преждевременность разного рода гипотез насчёт принципиальных перемен в назначении и смысле журналистики для общества, когда так называемая «журналистика мнений» начинает рассматриваться как отклонение от нормы, а норма – это новости. Впрочем, те или иные изменения в новом столетии неизбежны.

Когда-то возникновение медиа радикально подействовало на церковь. Уже первые шаги газетно-журнальной периодики способствовали секуляризации социума, а ближе к нашим дням ввели в общественный оборот представление о церкви как культурной институции, тем самым значительно понизив градус былого общественного трепета перед её сакральным величием. Религия превратилась, по словам литературного критика, в милую винтажную вещицу, *ностальгическую ценность для некоторой части общества* [13]. Иными словами, стала частью традиционного культурного наследия.

Но вот парадокс – убавление в одной части социального пространства сопровождалось прибавлением в другой. Церковь словно в обмен на допущение её критического восприятия в социуме получила возникшую уже в современных реалиях медийную проекцию, которая вошла в новый, расположенный в медиасфере слой социальных институций, отразивший существенные аспекты их функционирования. Медийные проекции не подменяют реально работающие социальные институты, но информационно насыщенные действиями акторов медиасферы, они несут в себе потенциальную способность серьёзно влиять на действительные отношения людей. И влияют, формируя альтернативное общественное мнение, потому что в настоящее время почти все проекции духовности, миропонимания человека, самоидентификации обществ носят медийный характер и размещены в медиасфере. С одной стороны, это новации XXI века, с другой, в особенности для вопросов культуры – продолжение давно известного.

Церковь на протяжении столетий несла на себе обязанности коммуникатора между эпохами, говоря метафорически, наводила между ними мосты, она ретранслировала культурные ценности, а до эры Гуттенберга буквально сберегала запечатлённую в рукописях память человечества, пусть даже не во всей её целостности, а фрагментарно. Надо

признать, что церкви никогда бы не удалось подобное, не будь у неё опоры на религиозное сознание масс. Так было столетия назад, и сегодня, возможно, тем же самым объясним феномен её социокультурного преобразования, в результате чего Русская православная церковь теперь среди заметных центров внимания в медиасфере. Однако только повышением уровня религиозности части российского общества объяснение нельзя считать исчерпанным. Так, результаты всероссийского опроса общественного мнения (Левада-центр, 2013, 22–25 марта), которые показали, что 43 % граждан страны посчитали «не слишком важной роль религии в жизни общества» [14]. Не менее впечатляющие данные у Брайана Тернера, на основании которых он утверждает, что нынешнее влияние церкви в России по большей части основывается на культурном национализме, а не на духовном авторитете: если «православными» называют себя 80 % россиян, то «верующими» – лишь около 40 % [15, с. 29]. По данным Д. Фурмана и К. Каарияйнена, в 2002 г. 80 % россиян называли себя православными, 52 % заявляли, что относятся к православию «очень хорошо», 44 % – просто «хорошо» и только 1 % – «плохо». Поэтому А. Красиков, комментируя эти результаты, хоть и называет РПЦ колоссом, но считает, что ноги, на которых он стоит, все же очень непрочны. Согласно тем же данным, не реже раза в месяц церковь посетили всего 7 % опрошенных, несколько раз в год – 19 %, один раз или реже – 31 %, никогда не ходили в храм 42 % россиян. По данным МВД (08.01.2004), касающимся посещения рождественских богослужений, при населении страны в 145 млн человек на них побывало только 3 млн россиян, то есть менее 2 % жителей «православного государства». При этом в Москве их оказалось и того меньше [16, с. 85–87].

Идея от противного, поддержала сомнения Т. Панфилова, полагающая, что сегодня религия оказалась самым подходящим инструментом усиления политического влияния. Превратить религиозный фактор в средство достижения земных целей помогает простой демагогический прием: достаточно приравнять духовность к религиозности без каких бы то ни было объяснений и обоснований. Тогда культура автоматически признается прояв-

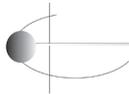
лением религиозности, и любое несогласие с какими-то религиозными положениями или принятыми в данной религии обрядами воспринимается как попятывание на культуру данного народа [17, с. 29]. В этой политической реальности пути религиозного сознания и институционального авторитета церкви всё более расходятся.

Конечно, социокультурная метаморфоза не завершена, вектор её развития всё ещё спорен. «По ходу мирового времени возрастает напряжённость антиномии добро/зло. Физических сроков и конкретных завершающих форм внутри исторического апокалипсиса людям знать не дано, но, по-видимому, основные события метафизического плана развернутся в наступившем XXI столетии» [18, с. 4]. В целом не соглашаясь с позицией автора этой статьи, увидевшего спасение христианского мира в православии и Русской православной церкви, заметим, что относительно сроков кульминации событий он, вероятно, прав. В XXI веке мир может оказаться заколдованным новым Средневековьем, которое, уверяет известный ученый, уже началось [19, с. 258]. Когда более точно, в каком обличье, на этот счёт среди аналитиков согласия нет. Поэтому допустимо рассуждать лишь о социокультурных предтечах такого поворота истории.

Среди факторов, которые могут стать решающими в определении облика грядущего дня, особое место занимают массмедиа, с помощью которых происходит ретрансляция социальных смыслов. Ими обмениваются между собой (убеждают, навязывают, воспринимают, отвергают) индивиды и целые общности. В то же время массмедиа и сами стали продуцентом новых социальных смыслов. Упрочение социокультурной роли массмедиа в серьёзной степени оказывает преобразующее воздействие на жизнедеятельность других институтов. Канал информационного воздействия – индивиды, а также их совокупности – аудитории. В настоящее время институт массмедиа – органичная часть духовной сферы общества, его культуры. Одновременно, являясь активным субъектом социума, он начинает структурировать культурное пространство в понятиях медийной реальности, с чем уже не могут не считаться прочие институты культуры.

Список литературы

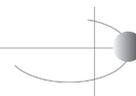
1. Мак-Куэйл Д. Журналистика и общество / пер. с англ. М.: МедиаМир; факультет журналистики МГУ им. М. В. Ломоносова, 2013. 364 с.

2. Сидоров В. А. 10 рассуждений о социологии журналистики: учеб. пособие. СПб.:Петрополис, 2012. 312 с.
3. Ахиезер А. С. Социокультурный субъект – перелом на рубеже тысячелетий: презумпция преодоления сложности // Субъект во времени социального бытия: Историческое выполнение пространственно-временного континуума социальной эволюции / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2006. 598 с.
4. Менеgetti А. Система и личность / пер. с ит. М.: ННБФ «Онтопсихология», 2002. 378 с.
5. Гинзбург В. Л. О сказках, религии и вере в существование Бога // Независимая газета. НГ-религия. 2008. 21 мая.
6. Хабермас Ю. Вера и знание // Хабермас Ю. Будущее человеческой природы. М.: Весь мир, 2002. 144 с.
7. Георгий Гачев: опыты жизненышления [публикация Анастасии Гачевой] // Лит. газета. 2014. № 17.
8. Кырлежев А. И. Секуляризация и постсекулярное общество // Богослов.ру. Научный богословский портал [сайт]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1314267.html> (дата обращения: 29.03.14).
9. Барышков В. П. Аксиология личностного бытия / под ред. В. Б. Устьянцева. М.: Логос, 2005. 192 с.
10. Старостин Б. Н. Ценности и ценностный мир: учеб. пособие. М.: Компания Спутник+, 2002. 154 с.
11. Докучаев И. И. Ценность и экзистенция. Основоположения истории аксиологии культуры. СПб.: Наука, 2009. 595 с.
12. Корженева О. В. Религиозный и церковный медиадискурсы: противоречия и подмена ценностей // Медиа накануне постсекулярного мира: кол. монография / под ред. В. А. Сидорова. СПб.: ИД «Петрополис», 2014. С. 45–61.
13. Юзефович Галина. Враг пророка // OpenSpace. 2012. 5 окт. URL: <http://www.openspace.ru> (дата обращения: 27.03.2014).
14. Религия и церковь в общественной жизни // Левада-центр. Аналитический центр Юрия Левады. 2013. 22–25 марта. URL: <http://www.levada.ru/18-04-2013/religiya-i-tserkov-v-obshchestvennoi-zhizni-0> (дата обращения: 29.03.2014).
15. Тернер Брайан. Религия в постсекулярном обществе: пер. с англ. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. М.: ИД «Дело», 2012. № 2.
16. Красиков А. А. Ватикан: сенсации «Года веры» // Современная Европа. 2013. № 3.
17. Панфилова Т. В. Межкультурное взаимодействие: тенденции и перспективы // Мировая политика: взгляд из будущего: материалы V Конвента РАМИ / под общ. ред. академика А. В. Торкунова. М.: МГИМО – Университет, 2009. С. 27–32.
18. Казин А. Грядет ли новое Средневековье? // Санкт-Петербургские ведомости. СПб., 2013, 11 янв.
19. Эко У. Средние века уже начались / пер. с ит. // Иностранная литература. 1994. № 4. С. 258–267.

References

1. Mak-Kueil D. Zhurnalistika i obshchestvo / per. s angl. М.: MediaMir; fakul'tet zhurnalistiki MGU im. M. V. Lomonosova, 2013. 364 s.
2. Sidorov V. A. 10 rassuzhdenii o sotsiologii zhurnalistiki: ucheb. posobie. SPb.: Petropolis, 2012. 312 s.
3. Akhiezer A. S. Sotsiokul'turnyi sub»ekt – perelom na rubezhe tysyacheletii: prezumptsiya preodoleniya slozhnosti // Sub»ekt vo vremeni sotsial'nogo bytiya: Istoricheskoe vypolnenie prostranstvenno-vremennogo kontinuumu sotsial'noi evolyutsii / jtv. red. E. V. Saiko. М.: Nauka, 2006. 596 s.
4. Menegetti A. Sistema i lichnost' / per. s it. М.: NNBF «Ontopsikhologiya», 2002. 378 s.
5. Ginzburg V. L. O skazkakh, religii i vere v sushchestvovanie Boga // Nezavisimaya gazeta. NG-religiya. 2008. 21 maya.

6. Khabermas Yu. Vera i znanie // Khabermas Yu. Budushchee chelovecheskoi prirody. M.: Ves' mir, 2002.
7. Georgii Gachev: opyty zhiznemyshleniya [publikatsiya Anastasii Gachevoi] // Lit. gazeta. 2014. № 17. 144 s.
7. Georgii Gachev: opyty zhiznemyshleniya [publikatsiya Anastasii Gachevoi] // Lit. gazeta. 2014. № 17.
8. Kyrlezhev A. I. Sekulyarizatsiya i postsekulyarnoe obshchestvo // Bogoslov.ru. Nauchnyi bogoslovskii portal [sait]. URL: <http://www.bogoslov.ru/text/1314267.html> (data obrashcheniya: 29.03.14).
9. Baryshkov V. P. Aksiologiya lichnostnogo bytiya / pod red. V. B. Ust'yantseva. M.: Logos, 2005. 192 s.
10. Starostin B. N. Tsennosti i tsennostnyi mir: ucheb. posobie. M.: Kompaniya Sputnik+, 2002. 154 s.
11. Dokuchaev I. I. Tsennost' i ekzistentsiya. Osnovopolozheniya istorii aksiologii kul'tury. SPb.: Nauka, 2009. 595 s.
12. Korzheneva O. V. Religiozni i tserkovnyi mediadiskursy: protivorechiya i podmena tsennosti // Media nakanune postsekulyarnogo mira: kol. monografiya / pod red. V. A. Sidorova. SPb.: ID «Petropolis», 2014. S. 45–61.
13. Yuzefovich Galina. Vrag proroka // OpenSpace. 2012. 5 okt. URL: <http://www.openspace.ru> (data obrashcheniya: 29.03.14).
14. Religiya i tserkov' v obshchestvennoi zhizni // Levada-tsent. Analiticheskii tsentr Yuriya Levady. 2013. 22–25 marta. URL: <http://www.levada.ru/18-04-2013/religiya-i-tserkov-v-obshchestvennoi-zhizni-0> (data obrashcheniya: 29.03.14).
15. Terner Braian. Religiya v postsekulyarnom obshchestve: per. s angl. // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. M.: ID «Delo», 2012. № 2.
16. Krasikov A. A. Vatikan: sensatsii «Goda very» // Sovremennaya Evropa. 2013. № 3.
17. Panfilova T. V. Mezhkul'turnoe vzaimodeistvie: tendentsii i perspektivy // Mirovaya politika: vzglyad iz budushchego: materialy V Konventa RAMI / pod obshch. red. akademika A. V. Torkunova. M.: MGIMO – Universitet, 2009. S. 27–32.
18. Kazin A. Gryadet li novoe Srednevekov'e? // Sankt-Peterburgskie vedomosti. SPb., 2013, 11 yanv.
19. Eko U. Srednie veka uzhe nachalis' / per. s it. // Inostrannaya literatura. 1994. № 4. S. 258–267.

Статья поступила в редакцию 19.04.2014